

# ПОЗИТИВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА — ВОЗМОЖНЫЕ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ<sup>1</sup>

Н.В. ИНИНА

В статье критически рассмотрены некоторые положения позитивной психологии. В центре анализа — понятия счастья, благополучия, ценностно-смысловой сферы личности. Показана роль негативных состояний в процессе самопознания и их необходимость для полноценного развития личности. Обоснована гипотеза о возможности невротического развития в случае акцентуации человека только на достижении позитивных состояний и поиске комфорта и удовлетворения. Рассмотрена роль негативных переживаний в формировании психической реальности человека.

**Ключевые слова:** психология личности, позитивная психология, счастье, ценностно-смысловая сфера личности, сознание, бессознательное, процесс индивидуации, психологическая реальность.

Будьте счастливы!  
Есть ли предписание более парадоксальное,  
более ужасное,  
при всей кажущейся доброжелательности?  
Трудно выполнить столь беспредметный наказ.  
Ибо как узнать, счастлив ли ты?  
*Паскаль Брюкнер*  
(«Вечная эйфория. Эссе о принудительном счастье»)

Надежда на благополучную и счастливую жизнь и стремление к ней были свойственны людям во все времена. Однако в современном обществе стремление к счастью стало приобретать угрожающие размеры, все более срастаясь с потребностью контролировать собственную жизнь. Прогресс, развивающийся ошеломительными темпами, сбли-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-06-00590.

живший континенты, превративший мечту в норму, создал иллюзию власти и над внутренним миром человека. Общество потребления с его бесконечно растущим предложением разнообразных благ нуждается в неудовлетворенном субъекте, в сознании которого идея благополучной жизни все больше связывается с внешними знаками. Тому же способствует и рекламная индустрия, блестяще использующая базовые человеческие потребности в счастье, любви и благополучии для продвижения товаров и услуг. В результате человек оказывается в сложнейшей и часто плохо рефлекслируемой им ситуации: с одной стороны — он стремится к свободе, счастью, хочет жить, соотносясь с собственными потребностями, ценностями и смыслами, с другой стороны — он должен контролировать свою жизнь, обеспечивать ее благополучие, которое напрямую связано с наращиванием личного потенциала, необходимого для поддержания ее уровня. С одной стороны — счастье, свобода, следование себе, с другой — успешность, благополучие и комфорт.

Эта непростая коллизия нашла отражение в молодом, стремительно развивающемся направлении «позитивная психология». Одни исследователи считают родоначальником этого направления Эмиля Куэ, показавшего эффективность самовнушения, другие ссылаются на Огюста Конта, использовавшего «позитивность» не только как собственно научный принцип, но и как нравственный идеал. Можно также вспомнить труды Нормана Винсента Пила о «позитивном мышлении», некоторые относят к родоначальникам направления даже Л.С. Выготского и его культурно-историческую психологию (Шапиро, 2005).

Фундаментальной установкой современной позитивной психологии и ее лидеров (М. Селигман, И. Бонивелл, М. Чиксентмихайи) является позитивный потенциал человека, а целью — обеспечение оптимального функционирования, ведущего к благополучному существованию и расцвету личностных и творческих способностей. Противопоставляя свои установки негативу неврозов, аномалий и дефектов, позитивная психология главный фокус внимания сосредоточивает на созидających, сильных сторонах личности: «позитивных качествах» (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000, с. 5), актуализации «реальных ресурсов» (Seligman, 2002), «позитивных черт и добродетелей» (Seligman, 2003), формировании «счастливой и благополучной жизни» (Seligman, 2011). Этим, безусловно, не исчерпывается круг проблем, стоящих перед позитивной психологией, однако их перечисление позволяет увидеть масштаб поставленных задач. Возможно, именно с этим размахом, а также нарастанием интереса в обществе к «позитивным» аспектам жизни,

связана невероятная популярность, можно сказать, взрыв интереса к этому направлению.

Как уже отмечено выше, в сознании современного человека сформирован, нормирован желаемый образ — быть творческим, счастливым, энергичным, общительным, успешным, эффективным, здоровым. Мы сознательно перечислили атрибуты «позитивного» образа жизни так же бессистемно и спутанно, как они представлены в сознании многих людей. Но очевидна необходимость более внятного и точного разведения уровней и задач. Эту проблему осознают и представители позитивного направления, разрабатывая в последнее время метапсихологический уровень исследуемых проблем (Linley et al., 2006). Очевидно, что такие понятия, как «счастье» и «успешность», «творчество» и «эффективность», не рядоположны. Они, безусловно, желанны и необходимы любому нормальному человеку, однако служат разным целям и решают разные смысловые задачи личности.

Выделим сначала некий инструментальный пласт, представленный понятиями «успешность», «уверенность в себе», «эффективность», «коммуникативность», «оптимизм», которые действительно зависят от умения человека настроиться на позитивный лад, сфокусировать внимание на положительных аспектах деятельности, на своих собственных способностях и возможностях в противовес пессимистическому взгляду на себя и действительность. Доказательств значимости такого оптимистического, позитивного взгляда на жизнь и порождаемого им жизненного ресурса не требуется, он говорит сам за себя, как в практической деятельности, так и в психотерапевтической практике, а тем более в простой обывденной жизни, в которой стакан, на половину полный, значительно лучше, чем стакан, на половину пустой.

Однако существуют высшие, экзистенциальные понятия, такие как «счастье», «мудрость», «духовность», «любовь», которые также рассматриваются в рамках «позитивного» мировоззрения и относительно которых предполагается, что определенные усилия и «позитивный» фокус внимания обеспечивают движение в сторону развития этих состояний. Но что есть эти состояния? Уместно ли утверждать, что они субъективно переживаются как сугубо «позитивные»? Или все же в них присутствует «негативный» компонент?

В последние годы позитивные психологи постепенно разворачиваются в сторону поиска «позитивного ресурса», содержащегося в негативных состояниях (King, 2011). Хотелось бы подчеркнуть, что соприкасаясь с экзистенциальными переживаниями, мы вряд ли расчленим их на «позитивные» и «негативные» составляющие. Скорее можно сказать, что

эти сложные чувства выражают глубинную антиномичность жизни, не разложимую на «хорошее» и «плохое». Возьмем самый простой пример: любовь родителя к ребенку. Сколько в ней присутствует безусловной радости, счастья от соприкосновения с реальностью жизни и развития малыша, но и сколько тревоги при мысли о его будущем, сколько грусти в осознании того, что рано или поздно придется отпустить повзрослевшего ребенка в мир, где закончится власть родителей, и их любовь не сможет уберечь его от возможных бед и испытаний.

Что остается? Строго говоря, здесь можно выделить две стратегии. Одна состоит в определенном уходе от негативной части переживания. Это вполне понятно с психологической точки зрения: негативные аспекты эмоционально задевают, тревожат нас, причиняют боль, лишают покоя. Человек пытается справиться с нарастающим напряжением, отсекая эту негативную часть, и, как скажет любой практический психолог — вытесняет негативные аспекты переживания в бессознательную область психики. Сознание же его удерживает некую усеченную картину реальности, редуцируя эмоциональное напряжение до приемлемого уровня. Однако полностью нейтрализовать негативные компоненты невозможно. И тогда человек переносит фокус внимания «во вне», наполняет свою жизнь и жизнь своей семьи многочисленными внешними атрибутами, фиксируя внимание на позитивных аспектах, осуществляя при этом титанические усилия по созданию иллюзии счастья и благоденствия. Причем его вера в эту иллюзию будет эквивалентна положенным в основание данного воздушного замка усилиям. Стоит ли подробно останавливаться на том, что известно любому практику: такая стратегия может привести человека в лучшем случае в кабинет психотерапевта, в худшем — толкнуть в депрессию, невроз, психосоматические расстройства и тому подобное.

Другая стратегия состоит в принятии полноты отношений, в которых кроме радости любви, счастья соприсутствия, готовности жертвы будет и горечь потери, и страх расставания, и боль забвения. Речь идет о полном контакте со всеми гранями, аспектами переживания, как позитивными, приятными, осознаваемыми, так и с негативными, часто вытесненными, эмоционально тяжелыми. Такая позиция требует от человека серьезных личностных усилий, причем не однократных, а постоянных. Внутреннее напряжение, с которым сталкивается человек на этом пути, и которое он учится выдерживать, является условием формирования осознанных отношений с действительностью, условием развития личности человека, открытой и способной к переживанию счастья, любви и других экзистенциальных состояний.

Способность и готовность соприкосновения со всей полнотой внутренней и внешней жизни оказывает серьезное влияние и на социальные, инструментальные аспекты позитивного мировоззрения, такие как коммуникативность, успешность и тому подобное. Однако причинно-следственные связи здесь отнюдь не просты. Практические психологи, например, достаточно часто наблюдают такой феномен: социально успешный, профессионально востребованный, коммуникативно компетентный человек, имеющий весь джентльменский набор того, что предлагает современная цивилизация, и живущий вполне благополучной жизнью, может субъективно чувствовать себя несчастным, потерянным, ненужным, одиноким. Чувства эти глубоко сокрыты, спрятаны за фасадом внешней успешности и только в очень интимной, доверительной ситуации могут быть выражены, вербализованы. И, наоборот, при объективно сложных, порой тяжелых ситуациях человек может чувствовать себя субъективно счастливым, живущим полной, осмысленной жизнью, и в общении с ним можно видеть, насколько его внутренние отношения с самим собой глубоко отрефлексированы и честны. Иными словами, можно сказать, что определяющим качество и полноту соприкосновения с жизнью является уровень осознанного взаимодействия личности с внутренней реальностью, способность взаимодействовать со всем комплексом собственных переживаний, не превращая позитивные переживания в самоцель. Здесь стоит вспомнить глубокое замечание русского философа Б. Вышеславцева, который говорил, что «функция восприятия реальности в ее полноте, воздействия на эту реальность, самозащиты от нее есть функция, требующая наибольшего психического напряжения, самая ценная и самая трудная функция сознания», а невроз называл «потерей соприкосновения с реальностью», «пробыванием в иллюзии» (Вышеславцев, 1926).

Еще раз оговоримся, что фиксирование на позитивных состояниях, формирующее «позитивное» взаимодействие с миром, само по себе не является чем-то отрицательным. Нет, казалось бы, ничего плохого, что человек сознательно направляет свои мысли в сторону позитива, совершая тем самым определенный волевой акт в отношении собственной ментальности, поворачивая ее, как руль, все время в позитивном направлении. Но если взять эту метафору за основу, то корабль, руль которого все время поворачивают в одну и ту же сторону, будет плыть по кругу, вращаясь вокруг одной и той же точки. Точка же эта — удержание собственного комфорта как знака позитивного состояния. Однако, повторимся, человек периодически сталкивается с такими чувствами, как тоска, тревога, гнев, одиночество, страх, кото-

рые пытаются сообщить нашему сознанию что-то важное о нас самих. Но как мы можем оценить смысл «негативного» послания бессознательного, не вступая с ним в тесный контакт? Как мы можем распознать смысл этого послания, если мы блокируем всякое взаимодействие с ним? Безусловно, поворот руля в одну сторону — это часто возможность удержаться на плаву, когда идет слишком большой крен в сторону негативных обстоятельств. Тогда это адекватный и эффективный способ саморегуляции, необходимой человеку в трудной жизненной ситуации для оказания помощи и поддержки самому себе. Однако не стоит забывать, что негативные переживания могут быть важнейшими показателями, индикаторами движения, и если корабль начинает серьезно отходить от курса, негативные переживания тревожат нас, сообщая, тем самым, о случившемся рассогласовании «сущего» и «должного».

Но куда, собственно, корабль держит свой путь? Очевидно, что путеводной звездой являются наши предельные смыслы, ценности, экзистенциальные и духовные выборы. Именно они определяют курс, именно к ним мы движемся, уравнивая свои ментальные и чувственные траектории. Еще раз повторимся, что условием верного движения является открытый и осознанный диалог с самим собой, определяющий качество и полноту соприкосновения с действительностью.

Здесь уместно вспомнить некоторые упреки, которые позитивные психологи предъявляли своим гуманистическим предшественникам. Одним из главных является упрек в излишнем человекоцентризме, сосредоточении на человеческом «Я», присущем клиентцентрированному подходу гуманистической психологии, что, с точки зрения позитивных психологов, ведет к повышению эгоцентричности человека. Эта центрированность на самом себе противоречит общественной пользе и коллективной благополучию (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000, с. 7). Не втягиваясь в полемику о соотношении индивида и общества, личности и социальной системы, тем не менее, затронем важный аспект, напрямую относящийся к рассматриваемой теме.

В своей книге «Век толпы» С. Московичи высказывает идею, обобщающую многие современные исследования проблемы соотношения личности, массы и общества: мир вступил в эпоху массового общества, в котором человек все более унифицируется, обретая общие для человека черты (Московичи, 1998). Постепенно, но очевидно происходит порабощение индивидуальной души коллективной. Разум, при иных обстоятельствах позволяющий человеку осознавать происходящее, утрачивает свою основную функцию, обезличиваясь и играя все

более вспомогательную роль<sup>2</sup>. В работах других известных авторов, таких как Э. Фромм, Р. Гвардини, Х. Арендт, Э. Каннетти и других, посвященных той же теме, все более отчетливо звучит мысль, что человек в современном обществе деперсонализируется, отчуждается от своей человеческой сущности. На фоне улучшения материального благосостояния, ускорения прогресса, развития внешних признаков цивилизации внутренний мир человека движется в сторону духовной деградации. «Омассовление» предполагает включение все большего числа людей в однотипные потребительские, информационные, культурные процессы, неизбежно порождающие однотипные уклады, стили жизни, нормы и ценности. Современная жизнь по мере усложнения экономических, политических, социальных и других процессов становится все более трудной для понимания, и человек массы, сталкиваясь с нарастающей противоречивостью реальности, идет по пути ее упрощения, выстраивая усредненные модели, приближенные к привычным шаблонам и стандартам. Такая инфантильная потребность в упрощении, страх столкновения с усложняющейся реальностью, желание делегировать ответственность за принятие решений кому-то другому открывают ворота невиданному ранее манипулированию сознанием. Д. Рисмен в своей книге «Одинокая толпа» показывает, что у человека, опутанного, стреноженного всевозможными манипуляциями, атрофируется сама потребность в личностной и социальной активности (Руткевич, 1993). Такой массовый отказ от самих себя, внутреннее согласие и даже готовность к унификации меняют само представление о личности. Р. Гвардини в «Конце Нового света» подчеркивает, что автономия субъекта теряет свою прежнюю значимость, а личность все сильнее оттесняется человеком массы. Уже бессмысленно говорить о личности и субъективности в прежнем смысле слова. Постепенно исчезает чувство собственного бытия и неприкосновенности сферы «личного». Понятие «личность» все чаще заменяется понятием «лицо», «персона», но хотя бы это более скромное и простое понятие должно быть «...сохранено в каждом человеческом индивиду...». Утверждать такую единственность и отстаивать ее — не прихоть, не привилегия, а верность кардинальному человеческому долгу. Здесь человек вооружается против опасности, угрожающей ему со стороны массы и со стороны системы, чтобы спасти то последнее, самое малое, что только позволяет ему оставаться человеком» (Фе-

---

<sup>2</sup> Русскому изданию этой книги предпослана статья А. Брушлинского, в которой показывается значение этой работы для социальной психологии, ее связь с русской психологической мыслью (Хевеши, 2000).

номен человека, 1993, с. 267). Потрясающе выразительный образ человека массы дает Э. Каннети в своем романе «Ослепление»: «Они действуют, но не знают, что творят; у них есть привычки, но они не знают, что их породило; они всю жизнь движутся и все же не знают пути, таковы они, люди массы» (Канетти, 2000, с. 17).

Не достаточно ли аргументов, что акцент на личности, на индивидуальности — это не каприз центрированных на индивиде, эгоцентрически мыслящих исследователей, а сущностная необходимость, условие выживания человека во все более поработавшей его общественной системе. В этом отношении, на наш взгляд, крайне ценны идеи К.Г. Юнга, нашедшие отражение во многих его работах, особенно в книге «Нераскрытая самость» (Юнг, 1997). Процесс движения к самому себе и возможность жить полной жизнью Юнг связывал с максимальным расширением сознания человека в сторону взаимодействия со своим бессознательным. Напомним, что этот процесс, названный «индивидуацией», связан с «развитием психологического индивидуума как отдельного существа, выбивающегося из стандартов всеобщей коллективной психики. Поэтому индивидуация — это процесс дифференциации, целью которого является развитие индивидуальной личности» (Вер, 1998, с. 54). Иными словами, человек перестает подчиняться коллективным нормам, развивается как индивидуальная личность, обретает свою целостность или, по словам Юнга, встает на «путь к себе», к своему «самосуществлению» лишь тогда, когда осуществляется осознанное взаимодействие между сознанием и бессознательным человека. Правда, эти отношения а priori конфликтны, к тому же человек склонен игнорировать сферы бессознательного, которые усугубляют этот конфликт, однако удерживаемое напряжение и активный диалог сознательных и бессознательных уровней психики являются условиями движения к другому уровню самосознания, к целостности. Юнг называл это соединение сознания и бессознательного *трансцендентной функцией* человеческого бытия (Юнг, 1997).

Однако процессу индивидуации противостоит как общество, так и само эго-сознание человека. Общество заинтересовано, как уже говорилось, не в индивидуальности, а в функции, в превращении человека в статистическую реальность. Повышение уровня жизни и благосостояние общества предпочитается нравственной и интеллектуальной дифференциации индивида, цель и смысл индивидуальной жизни (единственно реальной, по мнению Юнга) замещаются идеей развития государства. В результате происходит замещение подлинной индивидуальной жизни жизнью и интересами общества, во главу угла помещается не



индивид, а государство как принцип реальности (Юнг, 1998). С другой стороны, развитие эго-сознания, которое, по сути, представляет лишь малую часть человеческой психики, также уводит человека в сторону от собственной индивидуальности, все больше опираясь на внешние, атрибутивные стороны жизни, создающие иллюзию благополучия. Тому виной игнорирование бессознательного, иррационального мира; отказ от процесса самопознания, поиска подлинных причин и корней происходящего; уход от трансцендентной сферы, выстраивания осознанных отношений между эго-сознанием и бессознательным. Прогресс и развитие цивилизации, считал Юнг, взаимодействуют лишь с эго-сознанием, но не влияют на процесс самопознания. В результате душа остается неразвитой, архаической, как в древности, и как в древности, она беззащитна перед коллективными влияниями (Юнг, 1998). Однако, в отличие от древнего человека, ищущего укрытия от внешних опасностей, современный человек ищет укрытия от опасностей внутренних, то есть опасностей, исходящих из его собственного, неосознаваемого, внутреннего мира. Он бежит от собственной индивидуальности, становясь частью системы, частью толпы.

Ответ на вопрос противостояния сознательного и бессознательного уровней психики, способствующего потере внутренних опор, повышению уязвимости и управляемости человека, лежит для Юнга в сфере ответственности. Чем менее организован индивид, чем меньше он осознает самого себя, свой внутренний мир, тем в большей степени он подвластен влиянию толпы. Иными словами, человек, взгляд которого обращен во внешний мир, ничего не может противопоставить давлению системы. Ему все труднее составить мнение о самом себе. В результате он снимает ответственность за свою жизнь и свои действия с себя и передает их обществу, системе. Таким образом, человек все более превращается в функцию общества, а общество становится узурпатором индивидуальной жизни, хотя, по сути, само является всего лишь «абстрактной идеей» (Юнг, 1998).

Единственный способ преодоления этого конфликта Юнг видел в упорядочении и синтезе сферы сознания и сферы бессознательного, «субъективизма осознающего разума и объективизма бессознательного, проявляющегося в форме чувств, эмоций, импульсов, которые человек не осознает, но является объектом их вторжения» (там же, с. 103). Через это взаимодействие человек в состоянии выйти к уверенности в собственной способности к правильным суждениям, решениям, действиям, которая позволит освободиться от давления любой системы. Более того, этот процесс благотворно влияет и на межличностные отношения. Игнорирование бессозна-

тельных, положительных и отрицательных иррациональных сил в самом себе приводит к проекции зла в другого. Человек не отрицает «ужасные вещи», но их, по его мнению, всегда осуществляют другие. Страх и нежелание встречи с собственным злом, перенос его во вне освобождает совесть человека, уводя от личной ответственности. «Ничто не оказывает такого сильного разъединяющего и отчуждающего воздействия, как нравственное благодушие и отсутствие ответственности; ничто так не способствует пониманию, как взаимное устранение проекций», — пишет Юнг (там же, с. 110). Таким образом, только понимание как собственного «зла», так и собственного «добра», то есть понимание всей полноты, противоречивости, антиномичности своего внутреннего мира позволяет снять пелену с глаз и увидеть другого не отражением или продолжением себя, а иной, автономной, ценной личностью. Юнг считал, что только такие межличностные отношения могут привести к реальным фундаментальным переменам, происходящим в индивидах, лишь они, а не коллективные процессы задевают внутреннего человека (Юнг, 2001).

Итак, резюмируя вышеизложенное, можно сказать следующее. Благодаря внутреннему диалогу сознательного уровня психики с глубинными импульсами бессознательного, часто субъективно переживаемыми как «негативные» чувства, человек встает на путь познания себя, осознания своих подлинных мотивов, открытия глубинных смыслов своей жизни, то есть обеспечивает личностный рост. Благодаря этому личность обретает целостность, становясь более устойчивой к влиянию системных процессов. Но где же в этой вполне достойной любого человека картине, в которой на первый план выступают такие понятия как «личность», «совесть», «ответственность», можно найти место счастью, к которому стремится каждый человек?

Вспомним, что сама по себе идея счастья в европейском сознании связана с христианским мировоззрением, христианской антропологией. В христианской картине мира счастье было связано с Богом, с упованием, надеждой на спасение души. Жизнь при этом воспринималась как долгий путь, в котором противоборство с бедами и испытаниями учило стойкости и смирению. Счастье вплеталось в бытие как яркое переживание, как награда и дар, в противовес современной идее счастья как нормы и товара. Идея антиномического соединения страдания и счастья, обреченности и надежды, жизни и смерти, идея противоречивости бытия блестяще отражена в работе Б. Вышеславцева «Этика преображенного эроса». С точки зрения Вышеславцева, антиномичность жизни, невозможность разрешения ее противоречий всегда будут порождать ощущение трагичности и поиска счастья не «здесь и теперь», а

«там и тогда». Понятия «счастья» и «гармонии» всегда трансцендентны и связаны с Царствием Божьим, где все трагические противоречия жизни найдут свое чудесное разрешение в Боге посредством их совпадения, где наконец произойдет победа добра над злом, жизни над смертью (Вышеславцев, 1994, с. 230).

Современная попытка редуцировать фундаментальные вопросы бытия, стремящаяся приспособить экзистенциальные, глубинные, личностные смыслы под запросы текущего времени, приводит к тому, что в результате понятия счастья, удовлетворения собственной жизнью оказываются все дальше от религиозного мировоззрения, с которым когда-то были плотно связаны. Счастье постепенно начинает восприниматься как желаемая и искомая норма жизни. Современное общество и вообще назначает его обязанностью, постулируя следующий девиз: «если ты не счастлив, значит, твоя жизнь не удалась».

Закончить эту статью все же хочется прекрасными словами протопресвитера Александра Шмемана из его бесед на Новый год, когда мы всем и самим себе желаем полноты счастья:

«Коренная ложь нашего времени, то есть управляющих им теорий и идеологий, в безоговорочном отождествлении счастья с тем, что извне и снизу. И вот затуманилось, исчезло, испарилось счастье, и началось возрастание ненависти, зла, страдания. Ибо то, что мы называем таинственным и светлым словом “счастье”, всегда изнутри и свыше, но не наоборот. Именно в сведении счастья к земному, материальному и в пределе — животному свершилась измена счастью. Ибо измена ему есть измена самой сущности человека, неистребимому в нем зову. Зову к подлинному счастью, к встрече на последней глубине, на последней высоте с той истиной, с тем добром и той красотой, без которых не может жить человек и которые составляют Жизнь самой жизни — то, ради чего дана она нам, ради чего существуют и духовная свобода, и все земные блага» (Шмеман, 2009).

## ЛИТЕРАТУРА

*Вер Г.* Карл Густав Юнг, 1998.

*Вышеславцев Б.* Религиозно-аскетическое значение невроза // ж-л «Путь». № 5. 10.11.1926.

*Вышеславцев Б.* Этика преображенного эроса. М.: Изд-во «Республика», 1994.

*Масетти Э.* Слепленние. СПб.: Симпозиум, 2000.

*Маскович С.* Век толпы. М., 1998.

*Руткевич Е.Д.* Типология социального характера Д. Рисмена // ж-л «Социологические исследования». 1993. № 3. С. 118—121.

- Феномен человека: Антология. М., 1993.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1990.
- Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: историко-философский очерк. М., 2000.
- Шапиро А.С. Современная позитивная психология: дискуссии, историко-научные и культурно-исторические предпосылки // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 10—21.
- Шмеман А., протопресвитер. С новым годом! Беседы на Новый год. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. С. 16—17.
- Юнг К.Г. Нераскрытая самость // Синхронистичность. М., 1997.
- Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998; Юнг К.Г. Психология и религия. Киев, 2001.
- King L. Are We There Yet? What Happened on the Way to the Demise of Positive Psychology // Designing Positive Psychology: Taking Stock and Moving Forward / Ed. By K. Sheldon, T. Kashdan, M. Steger. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 439—446.
- Linley P.A., Joseph S., Harrington S., Wood A.M. Positive Psychology: Past, Present and Possible Future // The Journal of Positive Psychology. 2006. 1. 1. 2—15.
- Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. Positive Psychology: An introduction // American Psychologist. 2000. 55. 1. P. 5—14.
- Seligman M.E.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. N. Y.: Free Press, 2002.
- Seligman M.E.P. Foreword: the past and future of positive psychology // Flourishing: positive psychology and the life well-lived / Ed. By C.M. Keyes, J. Haidt. Washington (DC): American Psychological Association, 2003. P. XI—XIX.
- Seligman M. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. N. Y.: Free Press, 2011.

## POSITIVE WORLDVIEW AND BEING HUMAN — POSSIBLE COMMON GROUND

*N.V. ININA*

The article discussed critically some of the provisions of positive psychology. In the center of the analysis — the concept of happiness, prosperity, value-sense sphere of personality. The role of negative conditions in the process of self-knowledge, and the need for full development of the individual. The hypothesis of the possibility of neurotic development in the case of accentuation person only on reaching of positive conditions and looking comfort and satisfaction. Examined the role of negative emotions in the formation of psychic reality of human.

**Keywords:** personality psychology, positive psychology, happiness, value-sense sphere of personality, the consciousness, the unconscious, the process of individuation, a psychological reality.

Ver G. Karl Gustav Jung, 1998.

Vysheslavcev B. Religiozno-asketicheskoe znachenie nevroza // zh-l «Put'». № 5. 10.11.1926.

Vysheslavcev B. Etika preobrazhennogo erosa. M.: Izd-vo «Respublika», 1994.

Kanetti Je. Osleplenie. SPb.: Simpozium, 2000.

Moskovichi S. Vek tolpy. M., 1998.

Rutkevich E.D. Tipologija social'nogo haraktera D. Rismena // zh-l «Sociologicheskie issledovanija». 1993. № 3. S. 118—121.

Fenomen cheloveka: Antologija. M., 1993.

Frejd Z. Budushhee odnoj illjuzii // Sumerki bogov. M., 1990.

Heveshi M.A. Tolpa, massy, politika: istoriko-filosofskij ocherk. M., 2000.

Shapiro A.S. Sovremennaja pozitivnaja psihologija: diskussii, istoriko-nauchnye i kul'-turno-istoricheskie predposylki // Voprosy psihologii. 2005. № 3. S. 10—21.

Shmeman A., protopresviter. S novym godom! Besedy na Novyj god. M.: Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2009. S. 16—17.

Jung K.G. Neraskrytaja samost' // Sinhronistichnost'. M., 1997.

Jung K.G. Bog i bessoznatel'noe. M., 1998; Jung K.G. Psihologija i religija. Kiev, 2001.

King L. Are We There Yet? What Happened on the Way to the Demise of Positive Psychology // Designing Positive Psychology: Taking Stock and Moving Forward / Ed. By K. Sheldon, T. Kashdan, M. Steger. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 439—446.

Linley P.A., Joseph S., Harrington S., Wood A.M. Positive Psychology: Past, Present and Possible Future // The Journal of Positive Psychology. 2006. 1. 1. 2—15.

Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. Positive Psychology: An introduction // American Psychologist. 2000. 55. 1. P. 5—14.

Seligman M.E.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. N.Y.: Free Press, 2002.

Seligman M.E.P. Foreword: the past and future of positive psychology // Flourishing: positive psychology and the life well-lived / Ed. By C.M. Keyes, J. Haidt. Washington (DC): American Psychological Association, 2003. P. XI—XIX.

Seligman M. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. N. Y.: Free Press, 2011.